

Топосы в канонах и акафистах

Общим для высказываний многих литургистов об акафистах является указание на шаблонность текстов этого жанра. С одной стороны, это безусловно так. С другой стороны, мы должны помнить об **этикетности** (Д. С. Лихачев) средневековой литературы – а православная гимнография по своей поэтике сохраняет многие черты средневековой (византийской, древнерусской) литературы. Таким образом, шаблонность оказывается во многом неизбежной для текстов, создаваемых внутри церковной (традиционной) культуры, что контрастирует с принципами светской (инновационной) беллетристики.

В этом смысле этикетность, шаблонность является существенным элементом поэтики не только акафистов, но и, к примеру, канона. Хотя жанр канона в нынешнем его виде не древнее Великого акафиста, тем не менее именно ему было суждено стать «каноническим» жанром восточно-христианской гимнографии. (Еще один многострофный жанр – кондак – к настоящему времени практически исчез.) Сравним эти два жанра – акафист и канон – на предмет наличия в них топосов – регулярно воспроизводимых образов, мотивов, микросюжетов.

Канон по самой своей структуре предрасположен к возникновению в нем топосов. Как известно, содержание канона во многом определяется содержанием библейских песней, стихи которых чередуются с ирмосом и тропарями соответствующих песней канона. Так, например, первая песнь канона основывается на песни Моисея, воспетой им после перехода через Красное море (Исх 15:1–18). Соответствующее содержание находит отражение в тропарях и (в особенности) в ирмосах почти всякого канона. Ирмос может и не содержать прямых упоминаний об исходе евреев из Египта, однако в нем почти всегда будет присутствовать идея **перехода**, ср. ирмос 1-й песни пасхального канона прп. Иоанна Дамаскина: *Воскресения день, просветимся людие: Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни и от земли к небеси, Христос Бог нас преведе, победную поюция.*

Иное положение дел в акафистах. Акафист, как правило, не связан какой-либо жесткой схемой расположения фактического материала, равно как и разного рода идей и образов. Однако с давних пор сложилась традиция, в соответствии с которой та или иная строфа (кондак или икос с тем или иным номером) церковнославянского акафиста начинается с определенной слофовормы (или лексемы, или с лексемы, содержащей определенный корень и т. д.). Совокупность таких начальных словоформ нередко называют **псевдоакростихом**, а каждая из этих словоформ именуется нами **строфическим ключом**. К примеру, 1-й икос начинается со слова *ангел* или какого-либо слова с тем же корнем (*ангельский, ангелоравный, ангельски* и

т. п.); в абсолютном начале 3-го кондака почти всегда обнаруживаем существительное *сила*; 13-й кондак открывается междометием *о* – и т. д.

Сопоставляя каноны и акафисты в отношении регулярно воспроизводимых элементов (формы или содержания), нельзя не заметить своеобразную симметрию. Для канонов (в первую очередь – для ирмосов) характерно воспроизведение определенного содержания с максимальной вариативностью средств выражения. Напротив, начальные словоформы акафистных стрóf отличаются жесткой фиксированностью при весьма разнообразных способах включения этих словоформ в контекст.

Логично предположить, что в ряде случаев фиксированное содержание породит фиксированные средства выражения – и наоборот.

В самом деле, для акафистов такое не редкость. Например, в 1-м икосе мы довольно часто встречаем оборот *ангелов Творец*, представляющий собой перифраз существительного *Бог*. В свою очередь, данный оборот нередко является частью микросюжета, повествующего об акте избрания Богом того святого, к которому обращен акафист. Но то же самое существительное *ангел* может входить и в состав иного словосочетания: *ангел земный и человек небесный*, относящегося к самому святому. Как видим, вариативность здесь присутствует, но очевидны и тенденции к установлению лексической связанности начальных словоформ.

Устремление к той же точке (хотя и с иных позиций) видим и в канонах. Наиболее очевидный случай – 7-я и 8-я песни, где практически неизменно идет речь о трех отроках в печи вавилонской. Соответственно, в ирмосах этих песней регулярно используются лексемы *огнь*, *пещь*, *отрок*, *юноша*, *мучитель*, *ярость* и др.

Итак, мы установили, что два принципа организации многострофного гимнографического произведения обнаруживают некоторое сближение. Однако удастся ли найти случаи конкретного лексического и – одновременно – содержательного сближения?

В обычном каноне 8 песней, в обычном акафисте – 25 стрóf. Итак, нам нужно найти случаи, когда одна из 8 библейских песней (и/или соответствующие ирмосы) обнаруживают лексические и содержательные переключки с одним из стрóфических ключей акафиста. Путем перебора возможных вариантов устанавливаем, что один из наиболее перспективных кандидатов – это 6-я песнь канона (песнь пророка Ионы) и 4-й кондак акафистов.

В песни Ионы (2:3–10) речь идет о морской глубине, в которую погружен пророк. Ирмосы 6-й песни по-разному обыгрывают этот сюжет: где-то Иона, поглощенный морским чудовищем, трактуется как прообраз Спасителя, а где-то несчастное положение пророка отождествляется с бедственным состоянием грешной души молящегося. Для ирмосов этой

песни обычны лексемы *море, глубина, бездна, буря* и т. п.; совершенно нормальным здесь является возникновение метафор.

4-й кондак начинается со слова *буря*. Почти всегда это метафора, что идет уже от Великого акафиста: *Бурю внутрь имея помышлений сумнительных, целомудренный Иосиф смятеся...*

Вот точка сближения, пересечения: *буря* как то, что грозит молящемуся потоплением, что представляет угрозу для его души. Это буря, которая застигает его при плавании по морю жизни – *житейскому морю*.

Теперь нам осталось вспомнить один из знаменитых ирмосов 6-й песни: *Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурю, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве* (см., например, воскресную службу Октоиха, глас 6-й, канон на утрене).

А среди акафистных строф мы обнаруживаем в том числе и 4-е кондаки с таким началом: *Бурю житейскаго моря ... научал еси безбедно преходити...* (акафист прп. Афанасию Высоцкому¹); *Бурю житейскую ... кротостию и незлобием препобеждала еси...* (акафист блж. Ксении Петербургской²).

Разумеется, было бы натяжкой утверждать, что подобное совпадение – результат параллельного и независимого сближения образных систем двух жанров. Вполне очевидно, что ирмос первичен, а акафистные строфы вторичны. И всё же для того, чтобы подобное влияние стало возможным, были необходимы определенные предпосылки – причем в области поэтики обоих жанров: и акафиста, и канона.

¹ Акафисты русским святым. Т. 1. СПб., 1995. С. 380.

² Акафисты русским святым. Т. 3. СПб., 1996. С. 643.